

Лилит

РОЖДЕНИЕ МАСТЕРА

Гросс Максимус

Один шаг в трещину мира

Гросс Максимус
Лилит. Рождение Мастера

«Автор»

2026

Максимус Г.

Лилит. Рождение Мастера / Г. Максимус — «Автор», 2026

Вода стекает по плечам, смывая пот и дневную усталость, но она бессильна против зудящих мыслей о декларации за прошлый квартал — они въелись глубже любой грязи. Я стою в душе, кожей впитывая тепло каждой капли. Пока рассудок вязнет в вычислениях, рука инстинктивно тянется к мылу, вытесняя автоматику цифр механическими действиями. И в этот момент я понимаю: апостолы, донимавшие Иисуса расспросами о том, где взять монету на земную пошлину, стояли в точно таком же душе, только под ногами у них был раскалённый песок, а вместо мыльной пены — едкая пыль неисчислимых дорог. Мы все — эманации Единого, Искры, рождённые сиять в безграничной Плероме. Но вопреки этому заперты здесь, чтобы высчитывать бесконечные проценты в тесной ванной. Пожалуй, это и есть самая изощрённая ловушка Архонтов — заставить твою Божественную суть служить бухгалтером собственной плоти.

© Максимус Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Гросс Максимус

Лилит. Рождение Мастера

Пролог

Вода стекает по плечам, смывая пот и дневную усталость, но она бессильна против зудящих мыслей о декларации за прошлый квартал — они въелись глубже любой грязи. Я стою в душе, кожей впитывая тепло каждой капли. Пока рассудок вязнет в вычислениях, рука инстинктивно тянется к мылу, вытесняя автоматику цифр механическими действиями. И в этот момент я понимаю: — апостолы, донимавшие Иисуса расспросами о том, где взять монету на земную пошлину, стояли в точно таком же душе, только под ногами у них был раскалённый песок, а вместо мыльной пены едкая пыль неисчислимых дорог. Мы все — эманации Единого, Искры, рождённые сиять в безграничной Плероме. Но вопреки этому заперты здесь, чтобы высчитывать бесконечные проценты в тесной ванной. Пожалуй, это и есть самая изощрённая ловушка Архонтов — заставить твою Божественную суть служить бухгалтером собственной плоти.

Глава первая

Инициация

Горячая влага бьёт в затылок, пытаюсь вымыть из меня нагар прожитого дня. Тщетно. Струи бессильны против цифр. В голове заезженной пластинкой скрежещет отчет за прошлый квартал. Налоги. Субаренда. Кесарю — кесарево. Я зажмуриваюсь, но вместо золотого сияния Плеромы перед глазами всплывает бесконечная сетка таблицы Excel. Вот он, настоящий ад: не котлы с серой и черти, а монотонное высчитывание процентов внутри собственной черепной коробки. Архонты не приходят с вилами, они являются с квитанциями ЖКХ (откуда я это слышал?). Провожу ладонью по скользкому кафелю и чувствую сквозь его ледяное сопротивление густую пелену пара.

— Я лох? — спрашиваю пустоту. Голос вязнет в шуме потока, не дождавшись ответа. Тишина кажется издевательски плотной. Где-то там, в апокрифах, которые я глотал по ночам, Иисус говорил, что мы Искры Света, но прямо сейчас я ощущаю себя просто мокрым куском мяса, по уши задолжавшим государству и банку. Его ученики наверняка испытывали то же самое: вытряхивая песок из сандалий, лихорадочно прикидывали, хватит ли им динариев на ужин, пока Учитель вещал о Царстве. Смотрю на свои ладони. Пальцы мелко дрожат — то ли от переизбытка кофеина, то ли от предвкушения того, что я запланировал на этот вечер. Облизываю губу. Солёная капля обжигает язык. «Своя воля или чужая? Что я выбираю на самом деле?» — мысль всплывает на поверхность, словно из ниоткуда. Резко выкручиваю кран. Внезапное безмолвие наотмашь бьёт по ушам. Пар медленно оседает на зеркале, скрывая моё отражение, будто аватар Яна уже начал стираться из этой реальности. Пора вытираться и переходить к более... антикосмическим делам.

Я выхожу из ванной. Ламинат под ногами кажется чересчур искусственным — словно под ним не бетон, а слои старого кода. В комнате пахнет пылью и вялой травой — обычный запах жилья, которое медленно переваривает своего хозяина. Взгляд падает на стол.

Стоящая на нём лампа гудит на грани слышимости, издавая тонкий, изматывающий звук, похожий на писк комара — переростка. В этом монотонном гуле мне чудятся голоса тех самых последователей: их споры о том, кто займет первое место в Царстве и сядет ближе к Богу, чьей женой станет женщина после воскресения..., их страх перед грядущим. Они тоже боялись. По-

верхность стола от вывески за окном залита неоновым отражением, сверху лежит квитанция ЖКХ. Сумма за отопление пульсирует в глазах, как битый пиксель. Нужно всего лишь коснуться сенсора, слить остатки баланса и почувствовать это серое, вакуумное облегчение «правильного человека».

Я опускаюсь на стул и он принимает меня с вязкой, почти плотоядной готовностью. Мой взгляд лениво, по инерции, мажет по светящемуся монитору, но соскользнув с экрана, внезапно замирает, остановившись между жирным шрифтом квитанции и неровным краем белого листа, торчащим из-под неё...

Мой недавний поступок сейчас показался мне чужим, словно подсмотренным со стороны. Зачем я сделал это? Внятного ответа не было. Мной двигало не отчаяние, а скорее пограничное, лихорадочное любопытство — смутное желание проверить реальность на прочность, столкнуть унылую логику быта с чем-то иррациональным. Я выводил эти линии осознанно, фиксируя каждое движение ума — как своего рода эксперимент над собственной психикой. Но эта мнимая философская отстранённость была зыбкой. Пока рука нервно вычерчивала штрихи, внутри нарастало глухое, липкое сопротивление. Интуиция кричала, что я заигрываю с опасной пустотой, но я упрямо продолжал, балансируя на этом болезненном рубеже между «надо остановиться» и «хочу увидеть, что будет», а закончив, поспешно накрыл лист бумажным хламом. Не из страха — просто эта геометрия нарушала внутреннее равновесие, которое я так отчаянно пытался сохранить. Я думал, что контролирую ход своих мыслей. Но игра исследователя только начиналась, и её правила переписывались прямо сейчас...

Сознание зависает на тонком лезвии между привычным бытом и чем-то хтоническим, опасным — тем, что дышит из-под слоя бюрократической пыли. Неровный край белой бумаги начинает колоть и пульсировать риском, квитанция давит сверху, требуя окончательного предательства. Я чувствую, как в висках начинает молотить — тяжёло и неритмично. Реальность вокруг истончается, становясь прозрачной и ненадёжной. Тишина в квартире настолько плотная, что я слышу, как сохнут капли воды на коже, лопаюсь с едва уловимым звуком мембран. Кажется, что стоит сдвинуть счета — и я изменю химический состав воздуха в этой комнате. Ловлю себя на безумной мысли: если я на долю секунды закрою глаза — мир вокруг просто рассыплется в прах.

Прошлое и настоящее сминаются, сталкиваясь в одной точке и я начинаю ощущать себя в бесконечном зеркальном коридоре...

Слышу ЕЁ шепот: он звучит отовсюду и одновременно внутри меня. Тело превращается в поле боя, будто что-то непонятное пытается удержать в узде мою плоть. Но Искра уже зовёт синим пламенем, готовая сжечь дотла эту реальность ради одного взгляда в Бездну.

Секунда. Другая. Тяжелое дыхание заполняет пространство. И моя рука, будто подчиняясь какому-то подсознательному ритму, начинает медленно сдвигать чек, обнажая суть происходящего. Каждый микрон этого трения бумаги о стол растягивается в симфонию крушения. Под ним — лист.

Чёрный маркер.

Запретные линии.

Сигил Лилит.

Я замираю. Всё ещё влажный, но капли воды на спине теперь впиваются холодными инъекциями. Платёж лежит в сантиметре от знака. Две реальности на одном столе — границы между ними плывут дрожащим маревом. Ум отчаянно цепляется за квитанцию — она понятная, она безопасная, словно мягкая обивка психиатрической палаты. Но взгляд уже вязнет в антрацитовых чернилах.

Контур сигила

больше...

НЕ СТАТИЧНЫ...

В полумраке они начинают шевелиться, изгибаться, точно тёмные черви в сиропе. От них тянет чем-то таким, от чего сводит низ живота — не человеческой страстью, а липкой, электрической сексуальностью самой Пустоты. Это не «картинка». Это жажда обладания тем, у чего нет формы. Внизу живота начинает ныть от желания, переходящего в нервное возбуждение. Лилит не манит — она транслирует суть твоей недостаточности. Ты смотришь на знак, и кажется, что изгибы расширяются, превращаясь в бездонные зрачки. Они сканируют Искру, выискивая в тебе каждую трещину. Моя рука висит в миллиметре от листа, от него исходит жар перегретого процессора. Внутри всё скручивается в тугой узел, где каждая клетка вопит о безопасности, о том что нужно просто оплатить счёт и лечь спать. Но Искра уже бьётся о ребра, требуя коснуться запретного тёмного пламени. Воздух становится густым, его трудно проталкивать в лёгкие. Он горчит озоном и жжёной изоляцией.

Меня начинает трясти. Мелкий озноб пронзает колени, а в висках начинает молотить тяжёлый ритм, словно сама матрица пульсирует, пытаясь удержать целостность картинки. Предметы дwoятся, дубовая столешница просвечивает сквозь чек, растворяясь в угольных линиях знака. Этот сюрреалистичный сдвиг давит на глаза, вызывая тошноту и дикое желание исчезнуть. Внезапно, помехой в кадре, в поле зрения попадает бутылка виски. Она притаилась в тени за краем освещённого круга, как случайная деталь интерьера о которой забыли. Стекланный бок ловит блик неона и этот холодный свет на мгновение кажется реальнее всего остального. Медленно, словно наводящая резкость камера, я переношу на неё фокус.

Бутылка — это якорь, единственный способ не рухнуть в воронку на столе. Ладонь тянется к ней по инерции изношенного механизма, в поисках спасения в старой доброй анестезии. Она обещает выключить невыносимую, гудящую частоту Лилит. Но когда кожа касается холодного стекла, приходит последнее осознание — это просто ещё один слой симуляции. Пальцы смыкаются на горлышке, но вместо спасительного холода в ладонь впивается раскалённая плазма. Бутылка теряет вес, становясь линзой, через которую мир начинает идти трещинами, янтарная жидкость закипает, превращаясь в густую, маслянистую тьму. Игнорируя гравитацию, она ползёт вверх, нефтяными нитями обвивая запястье и в этот миг стены комнаты осыпаются пиксельным пеплом...

Стол, квитанции, тени — всё растворяется в пустоте под пульсирующими венами фиолетового неона. Тяжёлый ритм в висках тонет в низком, утробном гуле.

Виски, текущий по коже, становится горячим, как жертвенная кровь. Каждая капля расцветает в вакууме фрактальным цветком из кости и пурпурного бархата. Больше нет опоры, я подвешен в пространстве, где само «я» — лишь помеха на пути великого тока.

И тогда проявляется Она.

Не из темноты — из **МОИХ СОБСТВЕННЫХ ЗРАЧКОВ.**

Её ладони, сотканые из дыма и непроизнесённых желаний, ложатся поверх моих. Это прикосновение не имеет веса, но оно прошибает позвоночник током такой силы, что боль аннигилирует в чистый кристаллический экстаз. Лилит вдыхает мой выдох, и само имя «Ян Смирнов» будто начинает вымываться из памяти, оставляя лишь звенящую оболочку. Бутылка в руках вспыхивает и рассыпается мириадами чёрных бриллиантов.

Ритуал начинается.

Я не ищу анестезии — я вдруг сам становлюсь чашей, которую Она подносит к губам.

— Пей меня, — приказывает бездна Её голосом, звучащим прямо в костях. Граница между моим телом и Её бездонным голодом стирается. Это не близость, это перепрошивка моей сути, где каждый стон — код, разрушающий остатки симуляции.

«Я жажду Тебя, Лилит», — шепчу я, и в этом признании больше правды чем во всех моих попытках быть "крутым парнем", "исправным гражданином" или "духовным искателем". Она медленно начинает меня истязать, натягивая нервы точно струны, и даря одновременно такое запретное удовольствие, от которого хочется выть. Каждая клетка вибрирует на грани взрыва, это экстаз замедленного действия. Ещё немного, и я буду не в силах сдерживать этот сок жизни, эту силу запертую в белковой массе. Её смех вибрирует в костях, пробуждая первобытную дрожь. Лилит не отстраняется, она приникает ко мне, вжимаясь всем своим несуществующим, но до боли осязаемым телом в мою дрожашую оболочку.

— Ты хочешь исчезнуть, Ян Смирнов? — Её зов теперь звучит отовсюду, из каждой трещины в реальности.

— Как это просто. Как по-человечески — сбежать в огонь, когда не справляешься с холодом. Я жадно впитываю Её слова — как путник, который ловит первый глоток воды в пустыне. Она ведёт острым ногтем по груди, медленно рассекая ткань реальности и мою кожу. Я выгибаюсь навстречу, задыхаясь от лихорадочного удовольствия. Это не боль. Это оргазм души, которую выворачивают наизнанку!

Её бедра, обжигающие и упругие, вжимаются в мои, и я ощущаю пульсацию этой силы каждой клеткой. Это край Бездны, где само существование истончается до прозрачной плёнки..., и я стою на пороге этого великого «Ничто», а сладкий шёпот растворения уже тянет меня за грань, обещая покой в вечности. «Я» превращается в точку, в бесконечно малую искру, готовую погаснуть... Но в это последнее мгновение, когда холод небытия уже начал касаться сердца, я вдруг ощутил не покой... а удушье! Тишина бездны вдруг сомкнулась клеткой, лишая меня даже права на вдох, а всепоглощающая сладость обернулась тошнотворным осознанием: если я исчезну сейчас — меня никогда не существовало. Я пытаюсь найти хоть какое - то оправдание и именно в этот момент, в судороге поиска, во мне концентрируется стремление МОЕГО ПРАВА БЫТЬ! Я цепляюсь за собственную личность, как за обломок мачты в бушующем океане этой первородной мощи. Впиваюсь сознанием в биение пульса и превращаю его в метроном реальности. Каждый вдох — осознанный акт воли, якорь, брошенный в пылающую пустоту. Чтобы не позволить себе стать лишь тенью в этом сиянии, я воздвигаю внутри бастион из воспоминаний, запахов и боли. Это даёт мимолётную передышку и шанс не раствориться в этом беззвучии эха, превращая моё сопротивление в танец на лезвии бритвы, в отчаянную попытку отдаваясь захлестнувшему экстазу, не дать ему выжечь мою Суть. Я смотрю в Её ослепительное пламя, не закрывая глаз. Позволяю ему плавить кожу, но сохраняю холодное, твёрдое зерно истины в самом центре моего сознания.

Я здесь. Я есть.

Но Искра была слишком горячей для неокрепшего человеческого сосуда..

Лилит, словно устав от моей игры в стойкость, коснулась меня — и мир мгновенно пошёл трещинами. Метафизический восторг разбился о Её ледяную волю; меня вышвырнуло из ослепительного «Нигде» обратно — в тесную, душную темницу из плоти и костей. Всё вернулось на свои места. Тело пронзила боль, словно из меня стали вымывать свинец, заливая раскалённое серебро. Пульс начал колотить в висках, отзываясь вспышками багровой боли. Перед взором поплыли кровавые круги, а воздух битым стеклом, проникая внутрь, резал гортань.

Это была ломка на клеточном уровне. Его застарелые шрамы — физические, и те что глубоко внутри, горели под Её клеймом. Так Она выжигала из него раба. В нём корчились и обращались в пепел копившиеся десятилетиями страхи, — детский трепет перед неизвестным,

взрослая неуверенность в себе и годами взращиваемая привычка сомневаться в каждом шаге. Процесс походил на экзорцизм, где демоном было его собственное прошлое. Он прижался лбом к холодной стене, жадно лоя ртом колючий воздух. Каждая вспышка страдания подтверждала, что он всё ещё здесь!

Ян рухнул на колени. Звук удара костей о паркет отозвался выстрелом. Он не пытался подняться — сейчас это было выше человеческих сил. Пальцы судорожно скребли пол, пытаюсь удержаться за земную твердь, уходящую из-под ног. Боль перестала быть ощущением — она стала субстанцией. Густой едкой кислотой она текла по жилам, разъедая всё, что он привык считать собой. Внутри мозга рвались прежние связи: нейронные нити, годами сплетавшиеся в узлы страха и вины, лопались с сухим треском!

— Слишком... много... — выдавил он сквозь зубы чуждым звуком, переходящим в рык. Сенсоры были перегружены. Лилит распахнула в нём двери, к которым он не был готов, и теперь реальность хлынула внутрь неуправляемым потоком.

Это была цена за право не стать марионеткой.

— Дыши, мой маленький бастион, — внезапно прошелестела Она, и судорожный вздох застрял в его горле. Пересилив онемение, Ян разжал кулаки и медленно поднял голову.

— Встань, — Её голос не был громким, но он провибрировал в каждой кости, заставляя мышцы сокращаться против воли.

— Бастионы не строят, лёжа в пыли. Ян захлебнулся вдохом. Лилит сделала шаг назад, создавая дистанцию, — холодную непреодолимую пропасть, которую он обязан был перешагнуть сам.

Внезапно боль сменилась невыносимой тяжестью, словно на плечи опустили свод небес.

— СТУПНИ... — Звук сорвался с его губ не криком, а гулким подземным выдохом. Ян впервые почувствовал свои ноги не частью тела, а монументальным фундаментом. И в ту же секунду хаос обрёл жёсткую структуру. Страх выгорел, уступая место ледяному осознанию, — чтобы не быть раздавленным нужно самому стать прессом! Ян перестал сопротивляться давящему весу. Он принял его, делая своей основой. Ноги стали вращаться вниз, пробивая паркет, бетон и саму земную кору! В нём больше не оставалось ни полета, ни боли — только чудовищная, гранитная верность этой земле.

— Стоять, — выдохнул он, и это больше не было стоном. Оно стало приказом материи. Ян чувствовал, как внутри него кристаллизуется нечто тёмное и тяжёлое. Это не было даром Лилит в привычном смысле — это была Её тень, ставшая его позвоночником. Нахемот — младшая сестра первородной ночи — отозвалась в крови глухим, утробным рокотом. Она не спасала его. Она структурировала хрупкую человеческую душу чёрной геометрией Бездны. Эта клипотическая сила, рождённая из осколков несбывшегося творения, стала проростать в нём не благословением, а абсолютным отрицанием слабости. Психика Яна, еще мгновение назад трещавшая по швам, обретала монолитную стабильность камня. Страх не исчез — он просто потерял стержень. Каждый атом тела теперь весил тонну, но этот вес больше не давил к земле — он делал его непоколебимым. Он поднял взгляд. Пропасть между ними всё еще была, но теперь он видел не пустоту — он видел чертёж.

Изнаночные линии Нахемот прочертили сквозь него идеальные, безжалостные векторы, роняющие его с Ней. Это была единая архитектура их хтонической природы, где одна сила лишь продолжала и завершала замысел другой.

— Я не бастион, — прозвучал он скрежетом стали.

— Я — то, на чём этот бастион будет стоять. Она ждала первого движения — того шага, что оставит трещину в самом основании мира. Стиснув зубы, Ян толкнул себя вверх. Огрубевшее дерево косяка пропоролло ладонь, но физическая боль стала точкой опоры. Тело, дрожащее

от колоссального напряжения, из «клетки» превратилось в инструмент сопротивления. Когда он наконец выпрямился его шатало, а перед глазами всё еще плясали багровые пятна, но он стоял! Ян посмотрел в Её бездонные глаза, и в его взгляде больше не было страха.

— Я... ещё... здесь, — прохрипел он, выплёвывая слова вместе с привкусом меди на языке.

— И я не горю...

Он смотрел прямо в эту ледяную глубину, с вызовом созерцая Её величие и не отводил глаз.

В этом жесте было приглашение, и это было приглашение продолжать...

Лилит видела их слишком часто — сломленных, выжженных дотла, чьи души превратились в серый пепел. Но этот человек был другим. Он не прошёл через ад — он притащил его в себе, заперев под рёбрами как дикого зверя. Это было первобытное, колючее человеческое упрямство, которое не просит пощады, но требует сатисфакции, пугая этим даже своих палачей.

Зрачки Лилит едва заметно расширились. Она чуть наклонила голову — и впервые за вечер в Её взгляде промелькнуло уважение. И в этой затянувшейся паузе, в её глазах, ловивших когда-то отсветы гаснущих звезд, проступило нечто большее — УЗНАВАНИЕ.

Ян не ответил словами. Он выпрямился, хрустнув суставами, и сделал свой первый дерзкий шаг в эту запретную зону, накрыв тенью своей изломанной фигуры Её безупречное лицо. В этом сближении не было страсти — только сталь и безмолвное признание. Он шёл навстречу, как идут на остриё копья, движимый лишь одним стремлением - быть сопричастным. Это был его вызов, рождённый из высшего преклонения. Воздух между ними стал плотным и едким, как перед ударом молнии. Сделав этот шаг, он безмолвно заявлял о своём праве быть здесь, отвечая собственной дерзостью на ту искру уважения, что наконец разглядел в Её глазах.

Лилит не шелохнулась, она как и прежде стояла, позволив тени коснуться себя. В этой образовавшейся тишине было слышно лишь рваное, хриплое дыхание Яна. Она не ударила его болью снова. Вместо этого Она выбрала нечто более опасное - приняла его вызов. Лилит медленно подняла руку и кончиками пальцев коснулась собственной щеки — там, где пролегалла граница его тени..., и ему показалось, что Её глаза на мгновение вспыхнули живым человеческим блеском. Это было похоже на тонкое предвкушение, как намёк на нечто ещё неоформленное.

Лилит рванулась вперед и пространство между ними сжалось до трепета молекул! Она обхватила его лицо ладонями — властно, почти отчаянно!

Ян замер, ослеплённый.

Вблизи её красота перестала быть совершенством — она стала стихией! Он увидел перед собой ту самую Первую Женщину, сотворённую не из праха, а из сияния новорождённых звезд, и бархата бесконечной ночи. Её кожа лучилась мягким, едва уловимым светом, а в чертах лица читалась гармония, предшествовавшая самому мирозданию.

— Раз ты жаждешь стоять так близко, — выдохнула она прямо в его губы, и её дыхание, пахнущее грозой и ночными цветами, на мгновение сделало божество досягаемой, беспощадно желанной женщиной,

— Смотри !

Мир вокруг Яна рухнул. Стены зала, холод камня, запах крови — всё исчезло, вытесненное этой сокрушительной близостью! В него хлынул поток Её сознания, это было испытание единством!

Лилит транслировала ему не образы, а чистую пульсацию бытия, — крик зарождающихся звезд, агонию великих империй, и ту густую благословенную Тьму, что царила до первого слова Творца!

Его «я», смешиваясь с Её ледяной вечностью, стало плавиться, мышцы натянулись до предела, и не в силах больше сдерживать это немыслимое напряжение, Ян выдавил из горла хриплый, надрывный стон, в котором ужас, смешиваясь с восторгом, превратились в оголённый провод, по которому Лилит пустила ток своей бесконечности.

— Чувствуешь? — Её губы скользнули по его уху, и этот шёпот обжёг сильнее, чем раскаленное железо.

— Твоя воля — искра в моем пожаре. Попробуй не сгореть, когда я стану тобой, — Её голос, с едва уловимой вибрацией, разрушая его внутренние преграды, прошивал насквозь. Это звучало как предсказание.

Он выставил руку, упираясь ладонью в пустоту, словно выстраивая невидимую стену. Но даже сквозь закрытые веки он видел Её — не как образ, а как пульсирующую в его венах истину. Власть Её превосходства не просила внимания — она забирала его по праву сильного, как океан забирает обломки от кораблекрушения.

Ян почувствовал как Её пальцы — невесомые, прохладные, словно лепестки ночной лилии — едва коснулись его затылка. И в этом мимолётном жесте было больше эротизма и власти, чем в самом яростном объятии! Он задрожал, чувствуя, как воля уже окончательно вытекает из него, превращая в неконтролируемую страсть и покорность. Соппротивление переплавлялось в агонию, а страх — в последнее, самое порочное наслаждение.

Она склонилась к нему, и мир окончательно сузился до её лица, став воплощённым ответом на каждый неосознанный зов его души, живым мифом, сотканным из Света и Тени. В Её чертах читалась та запредельная, божественная симметрия, которую люди веками искали в мраморе статуй и созвездий, но находили лишь здесь, в этой пугающей и безупречной плоти. Ян смотрел на неё с религиозным ужасом, узнавая в изгибе Её губ все свои потаённые сны. Она была тем самым запретным плодом, который он жаждал сорвать ещё до того, как научился дышать.

Его прошлое желание и восторг перед Ней сменилось теперь в одержимость мученика. Лилит становилась для него алтарём, на котором он сам, добровольно и с небывалым извращённым восторгом, приносил себя в жертву, его личным божеством — жестоким, прекрасным и единственным! Всё его естество кричало лишь об одном - неважно, что будет в финале, лишь бы эта агония близости длилась вечно! Она видела, как он тонет в Её глазах, как его воля, лишаясь последних опор, окончательно рассыпается прахом у Её ног.

— Ты ведь сам этого искал, Ян, — прошептала Она, и эти слова пробуждая всё то что он так долго подавлял, эхом отразились в самой глубине его памяти. Её губы, обжигая холодом и жаром одновременно, почти коснулись его уха, заставляя мир вокруг него внезапно померкнуть.

— В каждом лице. В каждом закате. В каждой боли. Ты искал Меня...

На мгновенье Она отстранилась, протянула руку и медленно с мучительной неторопливостью, обвела контур его лица.

Ян затаил дыхание, боясь спугнуть этот миг — своё высшее оправдание и одновременно окончательный приговор. Она была его персональным Раем за воротами которого ревело пламя Преисподней, и каждое Её движение — наклон головы, тяжесть рассыпавшихся по плечам иссиня-чёрных волос, глубокий вздох, казались ему священным откровением. В эти секунды он видел в Ней саму Суть, ту запредельную истину, к которой стремится всё живое в своем жалком желании стать чем-то большим.

Её безупречность была невыносима..

Но в этой пустоте, на самом дне унижения, в нём вдруг вспыхнула единственная доступная ему истина: он не обязан быть равным богу, чтобы перестать быть рабом! Если он не мог устоять перед Её совершенством, он мог направить свою ненависть на собственную слабость!

И эта злость на самого себя, острая как лезвие бритвы — стала его единственным оружием. Она вскипела в нём чёрным ядом, отравляя само поклонение, которое ещё секунду назад казалось ему единственным смыслом. И в этот миг, когда его «я» уже готово было рассыпаться в прах, внутри сработал аварийный клапан.

— Нет... — выдохнул он, и это слово было похоже на выплеск крови из перебитого горла!

Ян рванулся назад, буквально выламывая себя из пространства Её воли, словно выдирая живую кость из сустава! И тишина, в которой он годами копил знания, вдруг треснула, и в череп набатом стало врываться всё то чем он жил до этой встречи!

Миллионы слов, дремавшие на кладбище книжных страниц, вдруг обрели плоть и голос! Это была не просто память — это была стихийная атака, ментальный взрыв! Интеллектуальный фундамент, который он выстраивал всю свою жизнь, слетонировал, обрушившись на него спасительным шквалом из смыслов, формул и истин!

Первым, как ледяной душ, в сознание впечатался Кришнамурти. Фраза «Наблюдающий есть наблюдаемое» вонзилась в мозг раскалённой иглой!

Ян вцепился в неё, используя как щит — он яростно выкручивал свое восприятие, пытаясь осознать, что Богиня лишь проекция его собственного духа. Он боролся с её чарами, как с ослепительным солнцем, выставляя перед собой сухую зеркальную логику пророка. Следом, ломая сопротивление плоти, ворвался Кроули. Громовой манифест «Делай, что изволишь!» ударил изнутри, требуя суверенитета! Ян стал буквально препарировать собственный восторг хирургическим ножом воли. Он заставлял себя видеть не мистическое сияние, а совершенство биологии, — идеальный ритм пульса и безупречный пигмент кожи. Это была битва за право остаться собой, не отрицая Её величия, но превращая в объект созерцания. И тут же, перекрывая гул крови, хлынул дерзкий смех Ошо! Состояние «пустого бамбука» ворвалось в него не как покой, а как яростный вихрь. Ян судорожно карабкался на вершину «Свидетеля», заставляя себя смотреть на свою агонию и Её красоту, из точки абсолютной тишины. Это был восторг, возведенный в степень бесконечности, но лишённый рабской зависимости. Это была схватка за каждый нейрон.

Он боролся с самой природой своего желания, которое уже признавало Её своей единственной госпожой.

Она снова склонилась над ним и волосы словно шёлковый занавес рассыпались по Её белым плечам, как будто призывая его выковать из своей слабости новую силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.